

Агата Кристи

УБИЙСТВО В МЕСОПОТАМИИ

Посвящается моим многочисленным друзьям — археологам в Ираке и Сирии

Предисловие,

Написанное Джайлсом Райли, доктором медицины

События, изложенные в этих записках, произошли около четырех лет назад. Однако, на мой взгляд, обстоятельства сложились теперь таким образом, что возникла настоятельная необходимость представить на суд общества беспристрастный и честный отчет обо всем, что случилось в те дни. Причина этому — множество самых чудовищных и нелепых слухов, дающих повод заподозрить, что суть дела так и не стала достоянием гласности. Особенно усердствует в распространении досужих вымыслов американская пресса.

По понятным причинам было крайне желательно, чтобы отчет о событиях тех дней вышел из-под пера очевидца, не являющегося, однако, сотрудником археологической экспедиции и, следовательно, заведомо свободного от подозрений в предубежденности.

Руководствуясь изложенными соображениями, я обратился к мисс Эми Ледерен, предложив ей взять этот труд на себя. По моим представлениям, она именно тот человек, который обладает всеми необходимыми качествами, чтобы с честью справиться со столь деликатным поручением. Профессиональная репутация Эми Ледерен безупречна, кроме того, она не имеет никакого отношения к иракской археологической экспедиции Питтстоунского университета, и, наконец, она наделена наблюдательностью и острым умом.

Однако убедить мисс Ледерен взяться за перо оказалось делом нелегким — право, в моей профессиональной практике это едва ли не самый трудный случай. И даже после того, как литературный опыт был завершен, мисс Ледерен выказала упорное нежелание ознакомить меня со своей рукописью. Полагаю, одна из причин этого — несколько не слишком-то лестных высказываний, содержащихся в записках, по поводу моей дочери Шейлы. Однако я легко устранил это несущественное препятствие, заверив мисс Ледерен, что в нынешние времена, когда наши отпрыски столь

развязно поносят родителей на страницах всевозможных печатных изданий, нам даже приятно, если они получают свою долю.

Другая причина, почему мисс Ледерен не хотела показать мне свои записки, — ее чрезвычайная скромность в оценке своих литературных способностей. Она опасалась, что мне придется “исправлять и грамматику, и еще много чего”. Я же, надо сказать, не изменил в ее изложении ни единого слова. По-моему, стиль мисс Ледерен столь энергичен и выразителен, что не оставляет желать лучшего. Что же до некоторых вольностей — иногда она называет Эркюля Пуаро просто “Пуаро”, иногда “мистер Пуаро”, — то они сами по себе небезынтересны и дают повод для размышлений. Порою мисс Ледерен придерживается, так сказать, “хорошего тона” (кстати, сестры милосердия, по моим наблюдениям, большие ревнительницы этикета), а порой так увлекается, что простые человеческие чувства берут верх, и тогда прости-прощай все атрибуты хороших манер!

Единственное, что я позволил себе, так это взял на себя смелость предпослать предисловие, в чем мне немало помогло письмо, любезно предоставленное одной из приятельниц мисс Ледерен. Пусть написанные мною несколько строк послужат как бы фронтисписом^[1], где бегло набросан портрет автора этого повествования.

Глава 1

Предисловие

В Багдаде, в холле отеля “Тигрис палас”, некая молодая девушка, сестра милосердия, торопливо заканчивает письмо. Вечное перо проворно скользит по бумаге.

...Ну вот, дорогая, кажется, и все мои новости. Должна сказать, приятно повидать чужие страны, хотя — благодаря тебе! — я все время живо вспоминаю Англию. Ты даже вообразить себе не можешь, что такое Багдад — кругом грязь и горы мусора, ничего романтического и в помине нет. Какая уж тут “Тысяча и одна ночь”! Правда, у реки очень мило, но сам город просто ужасен, приличного магазина не сыщешь. Майор Келси как-то повел меня на базар — слов нет, живописное зрелище, но грязь, но мусор, но грохот — тут же чеканят медную посуду, просто голова раскалывается. А уж если купишь здесь что-нибудь, то надо сто раз вымыть. Тем более, медную посуду — на ней бывают ядовитые окислы.

Я напишу тебе, если удастся получить место, о котором говорил мне доктор Райли. Тот американский джентльмен, сказал доктор, сейчас в Багдаде и сегодня к вечеру, вероятно, навестит меня. У него что-то с женой, какие-то, по выражению доктора Райли, “причуды”. Толком он мне не объяснил, хотя каждому понятно, что это может означать (однако, надеюсь все же, это не *delirium tremens*[\[2\]](#)). Понятно, доктор Райли ничего такого не говорил, но у него был такой вид.., ну, словом, ты понимаешь, о чем речь. Этот доктор Лайднер — археолог, он ведет раскопки кургана где-то в пустыне для одного американского музея.

На этом, дорогая, заканчиваю. По-моему, то, что ты рассказала об этой дурехе Стаббин, — просто умора! Интересно, что наша Матрона изрекла

по этому поводу?

Ну, вот и все. Обнимаю тебя.

Эми Ледерен.

Вложив письмо в конверт, она написала адрес: сестре Кершоу, больница Святого Кристофера, Лондон.

Она завинчивала колпачок вечного пера, когда к ней подошел мальчик-посыльный:

— Вас спрашивает доктор Лайднер.

Мисс Ледерен оглянулась. Перед ней стоял среднего роста джентльмен, чуть сутуловатый, с темно-русой бородкой и добрыми усталыми глазами.

А доктор Лайднер увидел молодую особу лет, вероятно, тридцати с небольшим, статную, с уверенными манерами. Он увидел приветливое лицо с большими голубыми, слегка навывкате, глазами и блестящие каштановые волосы.

Типичная сестра милосердия, подумал он, именно такая и нужна, чтобы ходить за больными с расстроенной нервной системой. Лучше и не придумаешь: бодрая, с ясным, трезвым умом и практическим взглядом на вещи.

То, что надо, подумал он.

Глава 2

Которая знакомит читателя с Эми Ледерен

Я не претендую на роль писательницы и даже отдаленно не представляю себе, как приняться за дело. Взялась я за перо просто потому, что доктор Райли просил меня об этом, а если доктор Райли просит о чем-то, разве можно ему отказать?

— Но, доктор, — сказала я, — ведь у меня нет ни литературного образования, ни опыта в этом деле.

— Чепуха! — ответил он. — Представьте себе, например, что вы пишете историю болезни.

Что ж, конечно, если так подойти к делу, то можно и попробовать.

Как сказал доктор Райли, совершенно необходимо опубликовать наконец правдивый и неприкрашенный отчет о том, что произошло тогда в Тель-Яримджахе.

— Если об этом напишет кто-то из заинтересованных лиц, это покажется неубедительным. Всегда найдутся люди, которые заподозрят автора в предвзятости.

Разумеется, он и тут прав. Что до меня, то я в этой трагедии, которая разворачивалась на моих глазах, играла, так сказать, роль стороннего наблюдателя.

— А почему бы вам самому не написать обо всем, доктор? — спросила я.

— Но я ведь не был очевидцем, как вы. А кроме того, — добавил он со

вздохом, — дочь мне не позволит.

Просто позор, как он пасует перед этой девчонкой! Я чуть было не высказала ему все, что думаю по этому поводу, но заметила вдруг, как он насмешливо прищурился. Вот вечно так с доктором Райли — нипочем не поймешь, то ли он шутит, то ли всерьез. Такая уж у него манера — цедит слова с мрачным видом, а у самого чертики в глазах. И каждый раз так, ну если не каждый, то через раз уж точно.

— Ну, ладно, — сказала я неуверенно, — пожалуй, попробую, может, получится.

— Конечно, получится.

— Только совершенно не знаю, с чего начать.

— Как правило, это делается так — начинать надо с начала и идти к концу, ну а потом..., остановиться.

— Не знаю толком, что считать началом, — настаивала я.

— Вот, говорят, лиха беда начало, но, поверьте, мисс Ледерен, самое трудное — это вовремя остановиться. Взять хоть меня, например. Если мне приходится держать речь, то кончается тем, что непременно кто-нибудь хватает меня за полу и силой стаскивает с кафедры.

— Вам бы все шутить, доктор.

— Напротив, я серьезен, как никогда. Ну что, договорились?

Признаться, еще кое-что меня тревожило. Помявшись немного, я брякнула:

— Знаете, доктор, боюсь..., не обидеть бы кого-нибудь ненароком, водится за мной такой грех.

— Бог с вами, голубушка, не тревожьтесь об этом, чем непринужденнее будет ваш рассказ, тем лучше! Вам ведь придется писать не о куклах, а о живых людях! Не бойтесь обидеть кого бы то ни было, не бойтесь быть пристрастной, даже язвительной, будьте..., какой вам заблагорассудится! Пишите как Бог на душу положит. В наших силах вычеркнуть потом то, что

может бросить незаслуженную тень на чью-либо репутацию! Итак, приступайте к делу. У вас светлая голова, и, я уверен, вы толково и ясно изложите все, чему были свидетельницей.

Мне ничего не оставалось, как согласиться, и я обещала доктору Райли постараться.

Итак, приступаю, правда, как я уже сказала доктору, самое трудное для меня — начало.

Вероятно, следует сказать несколько слов о себе. Зовут меня Эми Ледерен, мне тридцать два года. Я обучалась в больнице Святого Кристофера, потом еще два года стажировалась в акушерской клинике. Затем четыре года провела в частной лечебнице мисс Бендикс в Девоншире. В Ирак я приехала с миссис Келси. Вот как это произошло. Я ухаживала за ней, когда она родила ребенка. А они с мужем как раз должны были ехать в Багдад и уже договорились насчет няни, которая несколько лет служила там у их друзей, а теперь их дети выросли и возвращались домой, в Англию, чтобы поступить в школу, и няня согласна была пойти в услужение к миссис Келси.

Так как миссис Келси была еще не совсем здорова и боялась пуститься в столь дальнее путешествие с маленьким ребенком, майор Келси предложил мне сопровождать их, обязавшись ассигновать деньги на обратную дорогу в том случае, если среди тех, кто будет возвращаться в Англию, не найдется никого, кто нуждался бы в услугах медицинской сестры.

Описывать подробно семейство Келси нет нужды: ребенок — само очарование, миссис Келси тоже очень мила, хотя несколько нервозна. Долгое путешествие по морю доставило мне несказанное удовольствие, тем более что оно было первым в моей жизни.

На пароходе я познакомилась с доктором Райли. Он длиннолиц, черноволос и имеет обыкновение с самым мрачным видом замогильным голосом отпускать уморительные шуточки. По-моему, ему очень нравится дразнить меня — бывало, сморозит какую-нибудь чушь несусветную и смотрит, что я. Он — хирург и служит в местечке под названием Хассани в полутора сутках езды от Багдада.

Не прошло и недели после приезда в Багдад, как я снова увиделась с

доктором Райли. Он спросил меня, нуждается ли еще миссис Келси в моей помощи. Просто удивительно, что он заговорил об этом, сказала я, ибо Райты (знакомые миссис Келси, о которых я уже упоминала) и в самом деле собираются уехать домой раньше, чем предполагали, и их няня вот-вот освободится. На это доктор ответил, что он слышал об отъезде Райтов, поэтому и спросил меня.

— Дело в том, мисс Ледерен, что я, вероятно, смогу предложить вам работу.

— Какую? Ухаживать за больным?

Он поморщился, будто не знал, что ответить.

— Да нет, пожалуй. Речь идет об одной даме. Она, как бы это сказать..., с причудами, что ли...

— О! — не удержалась я.

Алкоголь или наркотики — вот что обычно кроется под этими “причудами”. Кто ж этого не знает!

Доктор Райли предпочел не пускаться в объяснения. Он был крайне сдержан.

— Да, — продолжал он. — Это миссис Лайднер. Ее муж — американец, швед по национальности. Он возглавляет крупную американскую археологическую экспедицию.

И доктор Райли рассказал мне, что археологи раскапывают большой ассирийский город, что-то вроде Ниневии. Их лагерь расположен хоть и неподалеку от Хассани, но в диком, пустынном месте, и с некоторых пор здоровье жены стало внушать доктору Лайднеру опасения.

— Он толком ничего не говорит, но, похоже, временами ее преследуют какие-то страхи, вызванные, видимо, нервным расстройством.

— Ее что, бросают на целый день одну, с местными? — спросила я.

— О нет, в лагере постоянно бывает несколько человек, думаю, семь-

восемь. Уверен, что одну ее никогда не оставляют. Но тем не менее с ней, видимо, творится что-то неладное. У Лайднера забот по горло, но он души не чает в своей жене и, естественно, ее состояние тревожит его. Он чувствовал бы себя куда спокойнее, если бы знал, что за ней присматривает надежная, опытная сиделка.

— Интересно, что сама миссис Лайднер думает по этому поводу?

— Миссис Лайднер — просто прелесть, — без тени улыбки сообщил доктор Райли. — Правда, у нее семь пятниц на неделе. Но в целом она благосклонно отнеслась к этой мысли. А вообще миссис Лайднер — странная женщина, — добавил он. — Вечно у нее выдумки какие-то, и, по-моему, лгунья она отчаянная, но Лайднер, кажется, искренне верит, что она до смерти боится чего-то.

— А что говорит сама миссис Лайднер?

— О, она никогда ко мне на обращалась! Она меня не жалуется, у нее, видимо, на то свои резоны. Это Лайднер советовался со мной, он и предложил пригласить к ней опытную медицинскую сестру. Ну так как, мисс Ледерен, что вы на это скажете? У вас будет возможность посмотреть страну — они собираются копать здесь никак не меньше двух месяцев. Да и раскопки сами по себе удивительно интересное занятие.

— Хорошо, — сказала я после минутного колебания, взвесив все доводы “за” и “против”. — Пожалуй, стоит попробовать.

— Отлично, — обрадовался доктор Райли. — Лайднер сейчас в Багдаде, — добавил он вставая. — Скажу ему, чтобы зашел к вам и обо всем договорился.

Доктор Лайднер пришел в тот же день, после обеда. Это был джентльмен средних лет, державшийся как-то скованно и неуверенно. В нем чувствовалась мягкость, доброта, и, я бы сказала, даже некоторая беспомощность.

Мне показалось, он очень предан своей жене, но весьма смутно представляет, что с ней творится.

— Понимаете, — сказал он, пощипывая бородку — была у него такая

привычка, как я потом узнала, — моя жена действительно очень нервничает. Мне..., я очень тревожусь о ней.

— А как у нее со здоровьем, — спросила я, — все ли в порядке?

— Да... Думаю, да. По-моему, физически она вполне здорова. Дело не в этом. Она.., ну.., понимаете, иногда ей что-то мерещится...

— Что именно? — спросила я.

— Сама себе напридумывала невесть что, — смущенно пробормотал он, не отвечая на мой вопрос. — В самом деле, я не вижу никаких оснований для страха.

— Чего же все-таки боится миссис Лайднер?

— Видите ли, ее страхи — просто следствие нервного расстройства, — уклончиво ответил он.

Ставлю десять против одного, подумала я, дамочка наркоманка. А он и не догадывается! Впрочем, мужчины почти все таковы. Только удивляются, отчего это их жены такие нервные, отчего настроение у них меняется сто раз на день.

Потом я спросила доктора, как миссис Лайднер отнесется к моему появлению. Лицо его просветлело.

— Вы знаете, я даже сам был удивлен. Приятно удивлен. Она сказала, что это прекрасная мысль. Сказала, что будет чувствовать себя в большей безопасности.

“В безопасности”? Странно. Хотелось бы знать, что за этим кроется. Может, у миссис Лайднер психическое заболевание? Между тем доктор продолжал, все более воодушевляясь:

— Уверен, вы с ней поладите. Она, в общем-то, очень обаятельна. — Он обезоруживающе улыбнулся. — Она понимает, что с вами ей будет гораздо спокойнее. И я, как только увидел вас, тоже сразу это понял. От вас, позвольте сказать вам это, веет таким несокрушимым здоровьем, и, кажется, здравый смысл никогда вам не изменяет. Я уверен, вы как раз то,

что ей нужно.

— Ну что ж, попробуем, доктор Лайднер, — бодро сказала я. — От всей души надеюсь, что смогу быть полезной вашей жене. Вероятно, она нервничает из-за того, что не может привыкнуть к местным, к арабам?

— О, нет-нет, — покачал он головой. Казалось, мое предположение позабавило его. — Жене очень нравятся арабы, нравится их непосредственность, их смешливость. Она только второй сезон здесь, на раскопках — мы поженились меньше двух лет назад, — но уже изрядно изъясняется по-арабски.

Помолчав немного, я снова приступила к нему с расспросами:

— И все-таки, доктор Лайднер, может быть, вы скажете мне, чего же боится ваша жена?

Он замялся было, потом нерешительно проговорил:

— Надеюсь..., думаю, она сама вам скажет. Вот и все, что мне удалось из него вытянуть.

Глава 3

Слухи

Мы условились, что я приеду в Тель-Яримджах на следующей неделе. Миссис Келси устраивалась в своем доме в Альвьяхе, и я рада была помочь ей, взяв на себя часть забот по хозяйству.

Случилось так, что в эти дни мне удалось кое-что узнать и о лайднеровской экспедиции. Молодой майор-летчик, знакомый миссис Келси, узнав о том, что я поступаю к Лайднерам, скорчил удивленную гримасу.

— Ох уж эта Прекрасная Луиза! Стало быть, у нее новая причуда!

И, обратясь ко мне, добавил:

— Это ее прозвище. Мы все называем ее не иначе как Прекрасная Луиза.

— А что, она и в самом деле так хороша? — спросила я.

— Во всяком случае, она сама в этом уверена. Это с ее подачи мы прозвали ее Прекрасной Луизой.

— Ну и язва же вы, Джон, — вмешалась миссис Келси. — Вам отлично известно, что не только она сама так считает! Сколько мужчин без ума от нее!

— Может быть, вы и правы. Конечно, она не первой молодости, но не лишена обаяния.

— Признайтесь, вы и сами не миновали ее сетей, — улыбнулась миссис Келси. Летчик залился румянцем.

— Ну, конечно, что-то в ней есть, — выдавил он смущенно. — А уж Лайднер, так он только что не молится на нее и считает, видно, что вся

экспедиция должна следовать его примеру!

— Сколько же всего человек в экспедиции? — спросила я. — И кто они?

— Кого там только нет! Всякой твари по паре, — весело отозвался майор. — Англичанин-архитектор, француз-священник из Карфагена, расшифровывает надписи, ну, понимаете, на дощечках, на разной утвари. Затем, мисс Джонсон, тоже англичанка, она, что называется, за все про все. Есть еще толстенький коротышка — американец, он делает фотографии. Потом чета Меркадо, Бог знает, какой они национальности...

Она совсем молодая, этакое змееподобное существо, могу поклясться, терпеть не может Прекрасную Луизу. Ну, еще пара юнцов, вот, пожалуй, и все. Компания разношерстная, но в целом — ничего, довольно приятная. Вы согласны со мной, Пеннимен? — обратился он к пожилому джентльмену, который сидел в сторонке, задумчиво вертя в руках пенсне.

Пеннимен встрепенулся и поднял голову.

— Да.., да... Вы правы, весьма приятные люди, во всяком случае, каждый из них. Правда, Меркадо — чудаковатый тип...

— У него такая странная бородка, — вставила миссис Келси. — Точно из ваты!

— А юноши — очень симпатичные оба, — продолжал Пеннимен, будто не слышал замечания миссис Келси. — Американец обычно помалкивает, зато у англичанина рот не закрывается. Забавно, обычно бывает наоборот. Сам Лайднер — милейший человек — такой скромный, такой непритязательный. Да, все они очень приятные люди. Но когда я последний раз был у них, эта компания произвела на меня странное впечатление. Может быть, я ошибаюсь, но что-то там у них неладно. Не знаю, в чем дело. Но держатся они ужасно натянуто, обстановка какая-то непонятная, напряженная. А уж как обращаются друг с другом, какая изысканная вежливость! Какая церемонность!

Чувствуя, что краснею — не люблю вылезать со своим мнением, когда меня не спрашивают, — я заметила:

— Если люди живут слишком замкнуто, они начинают раздражать друг

друга. Я это поняла, когда работала в больнице.

— Вы правы, — отозвался мистер Келси, — но ведь сезон только начался, и они еще не успели надоесть друг другу.

— По-моему, экспедиция как бы моделирует в миниатюре человеческое общество, — сказал майор Пеннимен, — у них там свои группки, и соперничество, и зависть.

— Говорят, в этом году у них много новеньких, — заметил майор Келси.

— Давайте посмотрим, — подхватил Джон и принялся считать по пальцам:

— Юный Коулмен — новичок, Рейтер — тоже, Эммет и Меркадо были в прошлом году. Отец Лавины — новенький, он вместо доктора Берда, который заболел и не смог приехать в этом году. Ну и Кэри, этот, разумеется, из старых, выезжает сюда вот уже пять лет, как и мисс Джонсон.

— А я-то всегда считал, что они прекрасно ладят между собой, — заметил мистер Келси. — Посмотришь — такая дружная, счастливая семья, хоть это, может, и маловероятно, учитывая, какая сложная штука человеческая натура. Думаю, мисс Ледерен согласится со мной.

— Конечно, — сказала я. — Трудно не согласиться. В больнице, например, ссоры возникают из-за таких пустяков, которые и выведенного яйца не стоят.

— Да, в замкнутых сообществах люди становятся мелочными, — согласился майор Пеннимен. — И все-таки, по-моему, в Тель-Яримджахе за этим кроется нечто иное. Ведь Лайднер добр, деликатен и наделен к тому же безошибочным тактом. Ему всегда удавалось сделать так, чтобы все в экспедиции чувствовали себя легко и свободно и прекрасно относились друг к другу. Теперь же обстановка у них и в самом деле необычно напряженная.

— Неужели вы не угадали причину? — засмеялась миссис Келси. — Странно, ведь это же прямо в глаза бросается!

— Что вы хотите сказать?

— Виной всему миссис Лайднер, конечно!

— Но, послушай, Мэри, — вмешался мистер Келси, — она ведь очаровательная женщина и совсем не вздорная.

— А я и не говорю, что она вздорная. Но она провоцирует ссоры!

— Каким это образом? При чем здесь она?

— При чем? При чем? Она томится бездельем. Она же не археолог, а всего лишь жена археолога. Вот она и скучает. Увлеченности мужа и его коллег она разделить не может, потому и разыгрывает свое собственное представление. Перессорит всех друг с другом и радуется.

— Мэри, но ведь тебе ровным счетом ничего не известно. Это все твои домыслы.

— Разумеется, домыслы! Но вот увидишь, что я права. Прекрасная Луиза! Недаром же она выглядит Моной Лизой. Возможно, зла она и не замышляет, но обожает, чтобы все вертелись вокруг нее.

— Она так предана Лайднеру!

— О, конечно! Я ведь говорю не о каких-то пошлых интрижках. Но она, что называется, *allumeuse*^[4], эта женщина.

— До чего женщины добры и снисходительны друг к другу. Просто поразительно! — съязвил мистер Келси.

— Конечно, вас, мужчин, послушать, так все мы сплетницы и язвы. Но уж, поверьте, мы, женщины, видим друг друга насквозь.

— И все-таки, — задумчиво проговорил майор Пеннимен, — даже если бы самые худшие догадки миссис Келси подтвердились, то и этим едва ли можно объяснить гнетущую, точно предгрозовую, напряженность, которая царит в Тель-Яримджахе. У меня было явственное ощущение, что гроза вот-вот разразится.

— Не пугайте мисс Ледерен, — сказала миссис Келси. — Ей ведь ехать туда через три дня, а вы у нее всякую охоту отобьете.

— Ну, меня не так-то легко напугать, — рассмеялась я.

Тем не менее то, что мне привелось услышать, никак не шло у меня из головы.

Доктор Лайднер обмолвился о безопасности, — с какой стати, думала я. В чем там дело? Тайный ли страх Луизы Лайднер, возможно, неосознанный, но бесспорный, воздействует на всех остальных? Или расстроенные нервы Луизы — следствие напряженной обстановки (а быть может, причины, ее вызывающей) в Тель-Яримджахе?

Я нашла в словаре слово *allumeuse*, которым миссис Келси наградила Луизу Лайднер, однако не извлекла из этого ничего существенного.

Ну что ж, подумала я, поживем — увидим.

Глава 4

Я приезжаю в Хассани

Спустя три дня я покинула Багдад. Мне было жаль расставаться с миссис Келси и ее прелестной крошкой, которая росла не по дням, а по часам, каждую неделю исправно прибавляя в весе предписанное количество унций. Мистер Келси отвез меня на станцию и усадил в поезд. Следующим утром я рассчитывала прибыть в Киркук, где меня должны были встречать.

Ночь я спала дурно. Впрочем, я всегда плохо сплю в поезде, а тут еще меня мучили кошмары.

Однако когда утром я выглянула в окно, то увидела, что день выдался великолепный. Дурное настроение мое быстро рассеялось. Интересно, думала я, сгорая от любопытства, что ждет меня впереди, каковы те люди, с которыми мне предстоит встретиться.

Я стояла на платформе, нетерпеливо оглядываясь, когда заметила вдруг, что ко мне направляется молодой человек. У него было совсем круглое и очень розовое лицо — ни дать ни взять персонаж из романов мистера П.Г. Вудхауса^[5], я таких еще не встречала.

— Привет! Привет, приветик! — сказал он. — Вы ведь мисс Ледерен? Знаю, знаю, что вы, я сразу понял, что это вы. Да-да! Меня зовут Коулмен. Доктор Лайднер послал меня за вами. Как вы себя чувствуете? Ужасная поездка, правда? Уж я-то знаю, что такое эти поезда! Ну, теперь все в порядке... Вы завтракали? Это что, ваша сумка? Право, ваша скромность просто поразительна! Вот у миссис Лайднер четыре чемодана, сундук, какая-то особая подушка и еще куча разных вещей, не говоря уж о шляпной коробке. Что это я все болтаю и болтаю? Пойдемте к автомобилю.

У станции нас ждал так называемый автофургон. Это было нечто среднее между грузовиком, фургоном и легковым автомобилем. Мистер Коулмен

помог мне залезть внутрь и посоветовал сесть поближе к шоферу, чтобы не слишком трясло.

Ничего себе “не слишком”! Не понимаю, как это чудо техники не развалилось на части! На дороге и намека не было — просто наезженная колея, вся в ухабах и рытвинах. О, благословенный Восток! Вспомнив, какие великолепные шоссе у нас, в Англии, я испытала приступ ностальгии.

Мистер Коулмен, который сидел позади меня, наклонился и прокричал мне в самое ухо:

— А дорога довольно приличная!

И это после того, как нас подбросило так, что мы чуть головы не разбили о верх машины.

Самое забавное, что мистер Коулмен и не думал шутить.

— Очень полезно для печени, — проорал он. — Вам это, должно быть, известно.

— Какой прок от печени, если голову проломит, — заметила я довольно кисло.

— Не видели вы этой дороги после дождей! Автомобиль то и дело буксует. И все время заносит куда-то в сторону.

Что на это скажешь?

Через реку мы переправлялись на такой развалине, именуемой паромом, что и вообразить себе невозможно. По-моему, только чудо спасло нас от верной гибели, но для моих спутников, похоже, эта переправа была делом привычным.

Не прошло и четырех часов, как мы добрались до Хассани, который, к моему изумлению, оказался довольно крупным селением. Белоснежный, с поднимающимися к небу минаретами, он показался мне сказочным, пока мы наблюдали его из-за реки. Когда же, переехав мост, мы очутились на его улицах, я поняла, как жестоко обманулась. Зловоние, ветхие лачуги,

повсюду невыносимая грязь и мусор.

Мистер Коулмен повез меня домой к доктору Райли, где, по его словам, нас ждали к ленчу.

Доктор Райли был, как всегда, мил и приветлив, и дом у него оказался удобный, с ванной комнатой. Все кругом сверкало чистотой. Я с удовольствием приняла ванну, снова облачилась в форменную одежду и в отменном настроении спустилась к ленчу.

Мы сели за стол, и доктор извинился за свою дочь, которая, по его словам, вечно опаздывает.

Нам подали отлично приготовленное блюдо — яйца с гарниром из овощей, — и тут появилась мисс Райли.

— Мисс Ледерен, — сказал доктор Райли, — это моя дочь Шейла.

Она протянула мне руку, вежливо осведомилась, не слишком ли утомительным было путешествие, сдернула с головы шляпку, надменно кивнула Коулмену и уселась за стол.

— Ну, Билл, — сказала она, — что новенького?

Он принялся рассказывать о какой-то вечеринке, которая состоится в клубе, а я тем временем приглядывалась к Шейле.

Не могу сказать, что сразу пленилась ею. Мне она показалась не слишком приветливой и довольно бесцеремонной, хотя, признаться, весьма красивой. Черные волосы, голубые глаза, бледное лицо, губы, как водится, накрашены. Ее манера разговаривать, дерзкая, язвительная, крайне раздражала меня. Однажды у меня была такая практикантка. Работала она, надо сказать, превосходно, но вела себя так, что я с трудом сдерживалась.

А мистер Коулмен, похоже, был без ума от Шейлы. Он заикался и нес что-то еще более бессвязное, — если только можно такое представить — чем до этого! Он смахивал на большого глупого пса, который виляет хвостом и страстно хочет угодить хозяину.

После ленча доктор Райли уехал в свою больницу, у мистера Коулмена

оказались какие-то дела в городе, и мисс Райли спросила, намерена ли я посмотреть город или предпочту подождать дома. Мистер Коулмен, сказала она, вернется за мною примерно через час.

— А здесь есть на что посмотреть? — спросила я.

— Да, попадаются живописные уголки, — ответила мисс Райли. — Не знаю, правда, понравятся ли они вам. Грязь везде ужасающая.

Что она хочет этим сказать, недоумевала я. Не представляю себе, каким это образом ужасающая грязь может быть живописной. В конце концов она отвела меня в клуб, где оказалось довольно мило — из окон открывался красивый вид на реку, а на столах лежали свежие английские газеты и журналы.

Когда мы вернулись, мистера Коулмена еще не было, и в ожидании его мы разговорились. Признаться, беседа не доставила мне большого удовольствия.

Шейла спросила, познакомилась ли я уже с миссис Лайднер.

— Нет, — ответила я. — Только с ее мужем.

— О, интересно, что вы скажете о ней. Я помолчала, ибо отвечать мне было нечего, и она снова заговорила:

— Доктор Лайднер мне очень нравится. Впрочем, он всем нравится.

Следует понимать, подумала я, что жена его тебе совсем не нравится, однако вслух ничего не сказала, и Шейла вновь заговорила с присущей ей резкостью:

— А что, собственно, с ней стряслось? Доктор Лайднер объяснил вам?

Я не собиралась судачить о своей пациентке, тем более что даже еще и не видела ее, а потому ответила уклончиво:

— Думаю, у нее упадок сил, и доктор хочет, чтобы я за ней ухаживала.

Шейла засмеялась. До чего же неприятный у нее смех — резкий,

отрывистый!

— Боже правый! — сказала она. — Неужели девять человек не могут присмотреть за ней?

— Полагаю, им хватает своей работы, — возразила я.

— Своей работы? Ну, разумеется, однако работа работой, но на первом месте у них Луиза. Уж об этом она всегда позаботится, будьте покойны.

Да, подумала я, тебе она явно не по вкусу.

— И все-таки, — продолжала мисс Райли, — не понимаю, зачем понадобилась помощь медицинской сестры. На мой взгляд, у нее предостаточно добровольных сиделок. Или дошло уже до того, что необходимо мерить температуру, считать пульс и вести историю болезни?

Должна признаться, ее слова меня несколько удивили.

— Так вы считаете, что с ней все в порядке? — спросила я.

— Ну разумеется! Она здорова, как дай Бог каждому. “Бедняжка Луиза совсем не спала сегодня”, “у нее темные круги под глазами”. Ну да, круги, нарисованные синим карандашом! Лишь бы привлечь к себе внимание, лишь бы все суетились вокруг нее!

Вероятно, некая доля правды в этом скорее всего была. Сколько мне приходилось (впрочем, как и каждой сиделке!) видеть ипохондриков, первейшее удовольствие которых — заставить домочадцев плясать под свою дудку. Не дай Бог, если доктор или сиделка осмелятся сказать такому мнимому больному: “Помилуйте, да ведь вы вполне здоровы!” Искреннее негодование ипохондрика при этом не знает границ.

Конечно, вполне возможно, миссис Лайднер принадлежит к больным именно такого типа. Ее муж, естественно, первым поддался обману. Уж мне-то хорошо известно, сколь доверчивы в таких случаях бывают мужья. И тем не менее это никак не вязалось с тем, что я слышала ранее. Хотя бы, например, вырвавшееся у доктора Лайднера слово “безопасность”. Удивительно, до чего крепко оно засело у меня в голове.

Продолжая размышлять об этом, я спросила:

— А что, миссис Лайднер нервическая особа? Может быть, ей страшно, что приходится жить в такой глуши, среди арабов?

— А чего, собственно, ей страшиться? Слава Богу, она там не одна. Их там десять человек! Кроме того, у них охрана, ведь древние раритеты не оставишь без присмотра. О нет, тут ей нечего бояться.., во всяком случае...

Казалось, какая-то мысль неожиданно поразила ее, и она замолчала. Потом задумчиво заметила:

— Как странно, что вы спросили об этом.

— Почему?

— Как-то на днях мы поехали туда с лейтенантом Джарвисом. Было утро, и почти все ушли на раскопки. Миссис Лайднер что-то писала и, видимо, не слышала, как мы подъехали. Бой[6] куда-то отлучился, и мы прошли прямо на веранду. Наверное, она увидела на стене тень лейтенанта Джарвиса и как закричит! Ну, потом извинилась, разумеется. Подумала, что это кто-то чужой — так она объяснила. Странно это. Ну, пусть даже чужой, отчего же так пугаться, не понимаю?

Я задумчиво кивнула.

Мисс Райли помолчала, потом вдруг снова раздраженно заговорила:

— Не знаю, что с ними творится в этом году. Все они будто не в своей тарелке. Джонсон ходит мрачная, молчит, точно в рот воды набрала. Дэвид, ну этот всегда такой, у него слово на вес золота. Билл, конечно, тараторит не умолкая, но от его болтовни всем только еще хуже. Кэри слоняется с таким видом, точно ждет, что вот-вот случится нечто непоправимое. И все следят друг за другом, точно.., точно... О, не знаю, только все это очень странно.

Поразительно, подумала я, что у таких не похожих друг на друга людей, как мисс Райли и майор Пеннимен, сложилось почти одинаковое впечатление о том, что происходит в Тель-Яримджахе.

Тут в комнату, точно шалый молодой пес, шумно ворвался мистер Коулмен. Именно ворвался, по-другому не скажешь. Для полного сходства ему не хватало только высунутого языка и виляющего хвоста.

— Привет-привет, — выпалил он. — Знаете, кто самый лучший на свете закупщик? Я! Ну как, показали мисс Ледерен городские достопримечательности?

— На мисс Ледерен они не произвели впечатления, — отрезала мисс Райли.

— И я ее понимаю, — с готовностью подхватил мистер Коулмен. — Захолустный, обшарпанный городишко!

— Разве вы не любитель восточной экзотики и древностей, Билл? Не понимаю тогда, почему вы занялись археологией?

— Я здесь ни при чем. Во всем повинен мой опекун. Сам он ученый сухарь, член ученого совета своего колледжа, книжный червь, сидит дома и глотает все книги подряд. Представляете, какой подарочек преподнесла ему судьба в моем лице?

— Как же вы допустили, чтобы вас заставили заниматься делом, к которому у вас не лежит душа? По-моему, это страшная глупость! — набросилась на него девушка.

— Да не заставляли меня, Шейла, голубушка, не заставляли. Старик спросил, надумал ли я, чем хочу заниматься, а я сказал “нет”, тогда он и упрятал меня сюда на этот сезон.

— Неужели вы и впрямь не знаете, чего хотите? А следовало бы знать!

— Да знаю я! Знаю! По мне бы, так лучше вовсе не работать, а иметь кучу денег и участвовать в автомобильных гонках.

— Господи, какая чушь! — сердито сказала мисс Райли.

— О, конечно, я понимаю, это невозможно, — с готовностью согласился мистер Коулмен. — Поэтому, если уж необходимо что-то делать, то мне все равно что, лишь бы не корпеть от зари до зари в какой-нибудь конторе. К тому же я был не прочь повидать белый свет. “Ну что ж, в путь”, — сказал

я себе, и вот я здесь.

— Не много же от вас проку, как я посмотрю!

— А вот и ошибаетесь. Я могу не хуже других стоять на раскопках и покрикивать: “Йа-Аллах!” К тому же, по правде говоря, я недурно рисую. В школе отличался тем, что подделывал почерки. Превосходный фальшивомонетчик во мне пропадает! Ну, ничего, не все еще потеряно, этим и теперь не поздно заняться. Если когда-нибудь мой “роллс-ройс” обдаст вас грязью на автобусной остановке, знайте, что во мне возобладали преступные наклонности.

— Не пора ли вам ехать, вместо того чтобы молоть тут всякий вздор, — холодно сказала мисс Райли.

— Ах, как мы гостеприимны, правда, мисс Ледерен?

— Уверена, мисс Ледерен не терпит, чтобы пуститься в путь.

— Вы всегда и во всем абсолютно уверены, — с кислой улыбкой заметил мистер Коулмен.

Пожалуй, он прав, подумала я. На редкость самоуверенная и дерзкая девчонка.

— Видимо, нам и впрямь пора ехать, мистер Коулмен, — заметила я.

— Да, вы правы, мисс Ледерен. Я пожала руку мисс Райли, поблагодарила ее, и мы вышли.

— До чего же хороша, — вздохнул мистер Коулмен. — Но попробуй подступись — тотчас отошьет.

Мы выехали из города, и наш автомобиль заковылял по так называемой дороге, вьющейся среди зеленеющих полей. На каждом шагу нам преграждали путь ухабы и выбоины.

Приблизительно через полчаса мистер Коулмен указал на большой курган впереди на речном берегу и сказал: “Тель-Яримджах”.

Я разглядела маленькие черные фигурки, снующие, точно муравьи, по склону холма. Вот они все вдруг устремились вниз.

— Арабы, — пояснил мистер Коулмен, — кончили работу, как всегда, за час до захода солнца.

Дом, где размещалась экспедиция, стоял поодаль от реки.

Шофер резко повернул за угол, проехал через необычайно узкую арку и остановил автомобиль.

Постройки со всех сторон окружали внутренний двор. Старое крыло здания тянулось вдоль южной его стороны, а немногочисленные надворные службы — вдоль восточной. Экспедиция возвела строения по западной и северной сторонам. Прилагаю грубый набросок плана здания, который в дальнейшем поможет уяснить некоторые подробности трагических событий.

Двери и окна комнат выходят во внутренний двор, за исключением старого южного крыла, где часть окон смотрит на улицу. Однако эти окна надежно закрываются. В юго-западном углу двора находится лестница, ведущая на плоскую крышу, огороженную парапетом вдоль южной, более высокой, чем три остальные, части здания.

Конец ознакомительного фрагмента. Читать дальше:

[Перейти](#)